

Андрей Бекеша

Внешний мир

I

Стрелок шел по пустыне, жег бес-траву, пытался разобрать идеограммы и... преследовал человека в черном.

Так продолжалось очень долго, слишком долго. Стрелок не знал, сколько – по крайней мере, наверняка – но подумывал о том, уж ни воспользовался ли человек в черном своими магическими способностями, чтобы сделать его путь бесконечным. Он не был уверен, что человек в черном достаточно силен для этого, но все же такая идея имела право на существование. Еще бы, ведь сумел же колдун вернуть Норта, травоеда из Талла, к жизни, пусть даже ее жалкому и ничтожному подобию.

Однако если раньше стрелок время от времени думал о возможной бескрайности пустыни, то теперь он был уверен, что человек в черном не станет этого делать. Теперь с ним был Джейк, которого стрелок встретил на дорожной станции, где был говорящий демон. Стрелок знал, что человек в черном специально устроил им встречу, но он также знал, что уже очень близок к цели своего многолетнего путешествия – нет, не к Темной Башне, конечно – но к чему-то значительному, возможно даже...

Стрелок немного замедлил шаг, и его револьверы, которые до этого колыхались при каждом движении и ударяли по бедрам, сейчас слегка успокоились. Он сделал это не потому, что устал, а из-за Джейка. Мальчик не жаловался, стойко выносил все трудности и, вообще, старался не обременять Роланда заботами о себе, но видно было, что ему тяжело дается переход через пустыню.

Джейк вопросительно взглянул на стрелка, но тот лишь кивнул головой: мол, все в порядке, так и должно быть. Тогда Джейк вздохнул, как-то не по-детски глубоко и серьезно, вытер рукавом пот, который застилал ему глаза, и продолжил свой путь.

Они прошли несколько миль, не произнеся ни слова.

Небо на востоке уже почернело и обуглилось, но путники этого не замечали, поскольку их цель находилась в противоположной стороне. Зато стрелок отчетливо видел, как на западе солнце подожгло вершины гор. Стрелок хотел сделать привал, но не сейчас. Для начала ему необходимо найти то место, где останавливался человек в черном. Он знал, что найдет его, потому что знал, где надо искать.

Минут через пятнадцать они действительно наткнулись на остатки кострища. Стрелок объявил, что они остаются здесь на ночь, и в подтверждение своих слов сбросил на землю тюк с провизией и бурдюки с водой. Джейк последовал его примеру и освободил себя от груза. Роланд велел мальчику достать из сумки вяленое мясо, а сам отправился насобирать чего-нибудь для

костра. Он сумел раздобыть немного бес-травы, которая горела слабо и медленно, но ничего другого у них все равно не было. Стрелок разжег огонь, и они принялись за еду.

После ужина Джейк неуверенно и с большим усилием – казалось, его давно это мучает – спросил:

– Долго нам еще идти?

Роланд слегка нахмурился: он предпочел бы, чтобы Джейк не задавал ему этого вопроса... пока не задавал, затем неопределенно мотнул головой и ответил:

– Никогда нельзя с уверенностью сказать, что может устроить человек в черном. Особенно в этом месте, где, кажется, все теряет свой первоначальный природный смысл и прячется под маской искусственных понятий.

Джейк понимающе кивнул. Он и сам это чувствовал. Все здесь было каким-то неправильным, даже время, которое практически остановилось, несмотря на то, что солнце неумолимо совершало свой круговорот.

И это была правда, но не вся. Иногда человек в черном позволял преследователям узнать, или, скорее, угадать свои дальнейшие действия, но только, когда он этого хотел.

На небе появились первые звезды. Стрелок молча смотрел на них, лежа на спине, и думал о Темной Башне. Он думал о ней непрестанно вот уже двенадцать лет. Он представлял, как после долгих испытаний, наконец, доберется до нее и изменит мир, который сейчас сдвинулся с места. Только все это было нечетко и размыто, наверно, потому, что он находился в самом начале своего пути. Стрелок оторвал взгляд от ночного неба, повернул голову к Джейку, лежащему с другой стороны костра, и спросил:

– В твоём мире тоже были звезды?

Джейк вздрогнул от неожиданности и еще какого-то чувства, напоминающего понимание. Ему вдруг вспомнился Голливуд с его многочисленными звездами, хотя он понятия не имел, что это такое.

– Да, по-моему. Я не уверен, но мне кажется, что они должны были быть там, в моем мире.

Стрелок вздохнул, и Джейку в этом вздохе послышалось облегчение.

– Пожалуй, звезды – единственное, что не сдвинулось с места, – Роланд потер рукой лоб, – и очевидно, никогда не сдвинется.

Стрелок собрался еще раз взглянуть на небо, а затем отправиться спать, но он даже не подозревал, что эту ночь ему не суждено провести в стране грез.

Роланд посмотрел туда, где, по его предположению, должен был заночевать человек в черном, и тут же вскочил на ноги. Сонливость разом пропала, словно ее и не было вовсе. Там, впереди, в какой-то полумиле от них, в воздухе творилось нечто необъяснимое. Будто кто-то бросил огромный камень, и круги от него идут не по воде, а по пространству между небом и землей. Можно было предположить, что это всего лишь мираж – и так ОНО выглядело – но стрелок чувствовал, что это дело рук человека. Он знал только одного, кто был способен на такое, именно за этим одним он так долго гнался.

Стрелок не стал ждать до утра – хотя чувствовал, что так, вероятно, правильное всего – а только схватил кошель, на ходу крикнул Джейку, чтобы тот забрал бурдюк с водой, и рванул по направлению источника столь необычного явления. Он проделал лишь пару шагов, а в его сознании уже надрывался Корт: "Куда так спешишь, сопляк? Ты забыл лицо своего отца! Или ты думаешь, что твое нетерпение поможет и на этот раз?"

Стрелок скорее почувствовал, нежели увидел, что Джейк пытается от него не отстать.

Когда до цели оставалось не больше десяти ярдов, перед глазами у Роланда все утонуло в кромешной тьме.

2

Стрелок увидел солнце. Оно было в зените. Роланд огляделся – на многие мили вокруг растянулась пустыня, а в нескольких шагах позади стоял Джейк. Мальчик держал в руках бурдюк с водой и, приблизившись к стрелку, спросил:

– Что это было? Сначала резко потемнело, а потом вдруг стало светло. Роланд, где мы?

Стрелок понял, что изменения произошли не с ним и не с Джейком, а со всем миром. Это был другой мир. Стрелок безрассудно кинулся в ловушку и прихватил с собой мальчика, а человек в черном, ехидно посмеиваясь, закрыл за ними дверь. Теперь им предстояло проделать очень нелегкую – но все же выполнимую – задачу – отыскать другой выход. Роланд положил руку Джейку на плечо и доверительно на него посмотрел:

– Я не знаю, как называется это место. Но это не та пустыня, по которой мы шли, хотя и выглядит точно так же. – Джейк попытался улыбнуться, но стрелку выражение его лица показалось скорее гримасой боли. – Я обещаю тебе, Джейк, что вытащу нас отсюда... вытащу обоих.

Стрелок знал, что нужно делать, поэтому они без промедления двинулись в путь. Все время на север. А что потом, и когда наступит это потом? Роланд не знал, да это и не имело значения. Они поймут, когда доберутся.

Из-за того, что стрелок слишком быстро собирался на встречу с человеком в черном, их запасы теперь ограничивались несколькими кусками вяленого мяса в сумке Роланда и бурдюком с водой, который успел прихватить Джейк. По этой причине стрелок решил, что во время привалов пить будет только мальчик и совсем немного, а он потерпит до вечера /какого вечера?/. Они шли уже около двух часов, а солнце ни на дюйм не сместилось к западу. Время в этой равнине из песка и пыли остановилось навсегда. Стрелок, впрочем, не особо удивился, так как ожидал увидеть нечто подобное в месте, которое так похоже на его мир, хотя таковым не является.

Роланд посмотрел на Джейка, желая проверить, не очень ли тот испугался. Даже если мальчику было страшно, внешне он этого не показывал, а только шел вперед, глядя в бескрайнюю пустыню. Стрелок мог по достоинству оценить мужество Джейка. И он его оценил. Далек не каждый сумел бы собраться и

продолжить путь после перехода в совершенно незнакомый и чужой мир. Стрелок знал это, и тем крепче была его надежда на то, что они скоро выберутся из ловушки человека в черном.

Роланд и Джейк прошли еще час. Окружающий их пейзаж стал постепенно меняться. Это была все та же пустыня, но теперь земля под ногами сделалась более твердой, и в ней прибавилось пыли. Кое-где выглядывали пучки чахлой растительности, которая с каждым шагом все больше напоминала настоящую зеленую траву. Несколько раз им попадалось странное растение с большими длинными иглками, которое Джейк называл "кактус", а Роланд видел впервые. Стрелок чувствовал, что их путешествие на север скоро закончится.

Они вышли к дороге. Такого широкого пути стрелок уже давно – а возможно, вообще никогда – не видел. По обеим сторонам дороги через равные промежутки были воткнуты деревянные столбы высотой футов двадцать, между которыми протянулись провода. Ступив на твердую поверхность, стрелок спросил у Джейка:

– Что это такое?

– Дорога, или, может, шоссе, – казалось, мальчика испугал вопрос стрелка.

– Нет, я имею в виду, из чего она сделана?

Джейк задумался, и вдруг появилось это слово. Он не мог ответить, откуда оно взялось и что означает, но лишь прошептал его одними губами: "Асфальт". Джейк почувствовал, как падает на дорогу и по нему проезжается что-то огромное и очень тяжелое.

Мальчик действительно покачнулся и закрыл глаза, но сильные руки Роланда подхватили его, и он услышал голос:

– Сейчас не время для обмороков. Лучше посмотри туда.

Джейк с большим усилием заставил свои веки подняться. Он увидел, что стрелок указывает рукой на восток, и посмотрел в том направлении. Вдалеке, у обочины дороги, вырисовывались очертания какого-то крупного предмета. Роланд отпустил Джейка и зашагал по шоссе. Мальчик поспешил за ним. Когда они подошли чуть ближе, стрелок разглядел, что это один из тех древних механизмов, которых в его мире почти не осталось. Он был похож на очень длинную карету. Весь металлический, стального цвета. Двери его до половины сделаны были из странного непрозрачного стекла. Вместо деревянных колес стояли непонятные широкие диски, покрытые сверху черными колпаками. Возле "калеты" были двое мужчин, а третий сидел внутри. Стрелок понял, что эти люди ждут его с Джейком. Вот только он сильно сомневался, что они хотят подвести их.

У мальчика при виде "механизма" закружилась голова. Он чувствовал, что уже встречался с ним раньше, и тогда ему было очень плохо – смертельно плохо. Лоб Джейка покрылся испариной, и он замедлил шаг. Стрелок заметил это и произнес:

– Не бойся, все будет в порядке. Я об этом позабочусь.

Джейк знал, что так будет, и ему стало легче. Они приблизились на расстояние десяти шагов. Роланд остановился и произнес то единственное, что мальчик хотел услышать больше всего:

– Стань за моей спиной.

Джейк тут же повиновался, а стрелок вытянул руки вдоль туловища и заговорил с людьми у "кареты" – вернее, не заговорил, а задал один единственный вопрос:

– Что это такое?

И был ему ответ:

– КАДИЛЛАК ДОЛАНА.

Стрелок хотел еще спросить: "Кто такой Долан, и что это за кадиллак?" – но он прекрасно понимал, что сейчас не самое подходящее время для беседы, так как отвечать ему будут те маленькие пистолеты, которые ребята достали из кобур, висящих подмышками. Роланд успел еще отметить, какие же они медлительные, а потом стал действовать.

Стрелок проделал это старое как мир смертоносное движение, почти не задумываясь. Револьверы знали свое дело, и двое парней у "кадиллака" лежали на асфальте с новыми дырками в голове. Если бы Роланд поднял глаза к небу, то увидел бы там свое лицо: пепельно-серое, изможденное, со следами длительного обезвоживания – но у него не было на это времени, потому что третий мужчина уже доставал оружие, а стрелок хотел сохранить ему жизнь – он им пригодится. Роланд преодолел разделявшие его и машину десять шагов за какое-то мгновение и прежде, чем парень за рулем сообразил, что же произошло, уже сидел в "карете" и приставил револьвер к его голове.

– Даже не двигайся, – произнес стрелок, отбирая пистолет у водителя, а затем крикнул мальчику. – Полезай внутрь.

Джейк подбежал к "кадиллаку", осторожно и с некоторой опаской обогнул труп, лежащий на земле, и забрался на сиденье.

Убедившись, что мальчик уже в "карете", стрелок обратился к парню за рулем:

– Умеешь управлять этой штукой?

В ответ тот лишь слабо кивнул. Роланд захлопнул дверь, повернулся к водителю и уставился на него немигающим взглядом.

– Поехали на восток, – стрелок почти хрипел. Парень дрожащими руками повернул ключ в замке зажигания, заработал мотор, и Роланд с Джейком понеслись на встречу своей судьбе.

3

Сидя в мягком кресле "кадиллака", стрелок размышлял о том, какие еще испытания ждут их в этом гиблом месте. Он прекрасно понимал, что "карета" оказалась на дороге не случайно. Очевидно, его с Джейком уже заждались и решили быстрее доставить к... как бы он там себя ни называл. Роланд не боялся трудностей, единственное, что заставляло его нервничать – а возможно, даже

приводило в ЯРОСТЬ – так это перспектива потерять Джейка. Стрелок успел сильно к нему привязаться за то недолгое время, что они провели вместе. Роланд чувствовал, что человек в черном будет бить именно по этой его привязанности, рассчитывая сломить дух стрелка. Роланд криво усмехнулся коварству колдуна, но потом подумал, что человек в черном ведет себя так, как ему положено. Стрелок решил, что так правильнее всего – во всяком случае, это вносит какую-то определенность.

Роланд вспомнил, как во время путешествия по пустыне колдун оставлял на месте кострищ идеограммы, в которых угадывались послания. Он предполагал найти здесь нечто подобное... что-то вроде проводника. Именно к нему они сейчас едут.

Стрелок выглянул в окно (странные эти стекла: если смотреть изнутри, то все прекрасно видно, а снаружи – только свое отражение) и увидел вдалеке движущуюся фигуру. БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК.

Мужчина мчался им наперерез и махал рукой, словно хотел остановить такси. Вот он достиг шоссе, повернулся лицом к приближающейся машине, широко расставил ноги, как футболист, готовый к приему мяча, и стал ждать.

Нога водителя потянулась к педали тормоза.

Стрелок лихорадочно соображал.

Если на такой скорости резко остановить машину, то она наверняка перевернется, а они, скорее всего, погибнут. С другой стороны, он не хотел убивать этого несчастного, который казался таким... призрачным. Роланд присмотрелся внимательнее. Он смог разглядеть асфальт, который был за спиной человека на дороге. Стрелок не должен его видеть, но он видел, потому что смотрел не на мужчину, а сквозь него.

Это был фантом.

Как хорошо, что стрелок совершенствовался в кхефе, и его жизненной силы хватило для распознавания миража, созданного человеком в черном. Роланд повернулся к водителю:

– Не останавливайся! Проезжай через него!

Парень за рулем так перепугался, что не мог мыслить самостоятельно, а лишь слепо исполнял приказы. Но тут вмешался Джейк:

– Что ты делаешь, Роланд? Мы же убьем его!

Стрелок пристально посмотрел на мальчика. Он знал, что для Джейка фантом выглядит вполне реальным. У Роланда не было времени убеждать его в обратном, поэтому сейчас многое – а их жизни можно было назвать этим словом – зависело от того, сумеет ли стрелок успокоить Джейка. Роланд искал ту единственную фразу, которая могла подействовать на мальчика. Стрелок никогда не отличался красноречием, да это в данном случае и не имело значения. Тут понадобится нечто гораздо большее... Роланду необходимо понять, чего хочет Джейк. Стрелок невероятным усилием проник в сознание мальчика и увидел там – а вернее, просто наткнулся на него – огромное желание, чтобы весь этот кошмар быстрее закончился.

– Не надо бояться, Джейк, – голос стрелка был ровным, но внутри у него все содрогалось от напряжения. – Скоро все закончится. Я знаю, что делаю. Поверь мне.

Долго секунды мальчик сидел неподвижно, а затем воскликнул:

– Я не могу смотреть на это, – и отвернулся, уткнувшись лицом в спинку кресла.

По всему телу стрелка разлилось тепло. Джейк ему поверил. Теперь оставалось выдержать самому. Роланд понимал, что это всего лишь мираж, но он также знал, что человек в черном создаст предельно натуральную картину, от которой можно сойти с ума. Возможно, таков и был его гнусный план. Стрелка охватило непреодолимое желание отвернуться – он не боялся вида смерти, просто впереди, на дороге, стоял Роланд, последний из стрелков. Человек в черном, не желая проигрывать, решил вывихнуть сознание Роланда таким, несколько грубоватым способом.

Стрелок почувствовал, как на него смотрят глаза (его) цвета вылинявших джинсов. Роланд ответил на этот взгляд и уже не мог пошевелиться. Постепенно стиралось всякое ощущение нереальности фантома, и стрелок не был уверен, кто из них настоящий. Однако на границе внешнего края сознания и своего рационального существа он прекрасно понимал, что это всего лишь иллюзия, пусть даже очень похожая на правду.

Стрелок буквально физически ощутил чье-то присутствие внутри себя. Это призрак, видя, что Роланд упорно не желает сдаваться, решил идти напролом и грубо вторгся в его душу. Но было уже слишком поздно.

В момент соприкосновения "кадиллака" с фантомом стрелок погрузился в нескончаемую беспросветную бездну, успев перед этим подумать: "На какие только жертвы ни приходится идти ради Темной Башни". Он пронесся через сотни миров, а через секунду снова сидел в кресле "каretty".

Стрелок медленно открыл глаза и оглянулся. Его призрачный двойник стоял на том же месте, только теперь он постепенно растворялся в воздухе и, мгновение спустя, исчез совсем.

– Ты знал, что так будет? – Джейк восхищенно смотрел на Роланда. Стрелок устало кивнул, и его губы растянулись в улыбке. Однако по-настоящему он улыбался всего несколько секунд, а затем – хотя губы Роланда еще не сомкнулись – пришла эта мысль, острая и обжигающе холодная, как осколок льда.

Они ничего не добьются, если все время будут идти по пути, обозначенному человеком в черном. ДЛИННАЯ ПРОГУЛКА, ведущая в никуда – такой удел им готовил колдун. Стрелок очень надеялся, что еще не поздно изменить ход событий. Он резко повернулся к водителю и приставил к его голове револьвер:

– Останови карету, – парень удивленно посмотрел на стрелка, но все же повиновался. – Джейк, вылезай, мы выходим.

Мальчик не понимал, что происходит, но железные нотки в голосе Роланда выдавали серьезность его намерений, так что он не стал спорить. Стрелок выбрался из машины и устремил свой взор к небу. Джейк, который стоял теперь

рядом с ним, хотел было задать вопрос, но Роланд жестом призвал его сохранять молчание. Никто из них не заметил, что на месте "кадиллака" образовалось облачко песчаной пыли.

Было невыносимо жарко и душно. Солнце, которое упрямо не желало двигаться, превратило воздух в густую раскаленную патоку, а легкий ветерок швырял его путникам в лица. Стрелок глубоко вздохнул, чувствуя, как горло его покрывается сотнями маленьких иголочек, облизал растрескавшиеся губы и обратился к небесам на Высоком Слоге:

– Я не знаю, как тебя называют, но я знаю, что ты здесь. Поговори со мной.

На одно мгновение – кошмарное – воцарилась тишина, а затем раздался голос, приятный, мелодичный, словно где-то вдалеке река не спеша перекачивается через камни – но Роланд слышал в этом голосе лишь облегчение:

– Зови меня МИЗЕРИ, стрелок, – ответ тоже был на Высоком Слоге.

– Кто ты?

– Я – ДВЕРНОЙ ПРОЕМ.

– Куда ведет эта дверь?

– В твой мир, стрелок. Зачем ты спрашиваешь то, что и так знаешь?

– Я могу помочь тебе, Мизери.

– В чем? – сверху раздался смех. Роланд почувствовал, что его клонит ко сну. Он тряхнул головой и продолжил:

– Я знаю, что человек в черном держит душу твою в своих руках.

– Так же как и твою, стрелок.

– Нет, он не властен надо мной, и ты это знаешь.

– Хорошо, стрелок, я слушаю.

– Человек в черном способен открывать тебя по собственному желанию, но не ты. Я прав?

– Да, стрелок. Это произошло очень давно.

– Но, как мне кажется, есть другой способ открыть дверь.

– Возможно...

– Ты знаешь, что это за способ?

– Да.

– Если открыть дверь без помощи человека в черном, ты снова станешь свободной?

– О, да, свободной.

– Но тебе нужен кто-то, например, я, чтобы проделать эту работу?

– Ты сам все прекрасно понимаешь, стрелок.

– Я согласен.

– Назови свою цену, стрелок.

– Мы с мальчиком возвращаемся в мой мир.

– Только ты.

– Мальчик пойдет со мной.

На мгновение опять стало тихо.

– Да будет так, – услышал Роланд.

– Что нужно делать?
– Мы отправимся в небольшое путешествие за ТАЛИСМАНОМ, а мальчик останется здесь.
– Он будет в безопасности?
– Не беспокойся, стрелок. Ему ничто не угрожает.
– Хорошо, подожди минуту.
Стрелок внимательно посмотрел на Джейку:
– Сейчас мне надо будет уйти, но я вернусь... обязательно вернусь.
– Да, я знаю, – голос мальчика дрожал.
Роланд оставил Джейку всю воду и кошель с мясом. Ему очень не хотелось расставаться с мальчиком, но стрелок чувствовал, что должен это сделать. Он выступил вперед и громко произнес:
– Я готов!
В который раз за последнее время тьма скрыла от стрелка окружающий мир.

4

Место, в которое Мизери привела Роланда, напомнило ему МЕРТВУЮ ЗОНУ. Стрелок оказался прав.

Все здесь было мертво... или убито. Землю, которая выглядела вполне плодородной, а на самом деле, давно безжизненную, кое-где прикрывали пучки сухой желтой травы. Стрелка со всех сторон окружали небольшие насыпанные вручную холмики. У северного края каждого бугорка был воткнут правильной формы камень. Надгробия эти в своем молчаливом крике поведали стрелку судьбу, ожидающую его мир, который он стремился изменить. На самом деле они являлись свидетелями и невольными участниками мрачного прошлого, еще не совсем ушедшего. Роланд подошел к одной из могил и прочел слова, высеченные на камне: "Здесь покоится сенбернар КУДЖО, лучшая собака и друг".

Слепое солнце, которое собиралось начать новый день, запуталось среди деревьев и, повалившись на бок, замерло, пронзенное их ветвями. Стрелок прикинул, что сейчас около ЧЕТЫРЕХ ЧАСОВ ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ... и столько же будет всегда. Роланд стал подниматься по холму. Он аккуратно ступал между могилами, словно боялся потревожить их неизменных хозяев.

Наверху, точно огромная плешь, распростерлась поляна идеально круглой формы. Внутри нее не было ни единой травинки. Как только стрелок шагнул в центр круга, его буквально сбил с ног тошнотворный, удушающий, но вместе с тем ни с чем не сравнимый запах зла. Роланд застонал сквозь зубы, и в этом стоне – а вернее, просто хрипе – слышалась безграничная боль, так как стрелок понял, что его мир может стать – собственно, он уже становится – точно таким же местом, где лишь надгробия напоминают о жестоком прошлом и сводящий с ума запах зла. Однако тем сильнее выиграла в стрелке ярость, и он знал, что не допустит этого: дойдет, доползет, пусть даже умрет на пути к Темной Башне, но ни на шаг не отступит от своей цели.

Стрелок сделал два неуверенных шага, судорожно глотая воздух, который здесь был каким-то уж слишком влажным, затем упал на колени и принялся неистово колотить руками землю. Роланд все поднимал и опускал кулаки, не обращая внимания на то, что в твердой почве попадаются довольно крупные камни. Вскоре кисти стрелка стали алыми от крови... его крови, но он не унимался. А потом вдруг перестал. Стрелок тупо уставился на свои руки, по которым стекала кровь. Он просто смотрел, как алые ручейки бегут по его ладоням, пальцам и попадают на землю. Роланда заморозил вид собственной крови, которая казалась такой... исполненной жизни. Стрелок подумал, может он действительно сумеет дойти, раз у него такая кровь.

Вот одна капля скатилась между большим и указательным пальцами и упала на землю. Изголодавшаяся по крови почва тут же втянула всю влагу. Эта земля жаждет крови... питается ею... и она получит ее. Разве не за этим он здесь? Стрелок вскочил на ноги и громко выкрикнул:

– Мизери, что это за место?

– **КЛАДБИЩЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ**, – тот же приятный голос, будто река журчит.

– Зачем я здесь?

– Ищешь **НЕОБХОДИМЫЕ ВЕЩИ**.

– Какие именно вещи?

– **КУСАЧИЕ ЗУБЫ, ГЛАЗА ДРАКОНА и ДВИЖУЩИЙСЯ ПАЛЕЦ**.

– Но я ведь не могу разрывать могилы.

– Стрелок, неужели ты так и не понял? В этом месте то единственное, что должно было быть мертвым на самом деле... живое.

Роланд услышал вой. Не такой, когда воеет собака, пусть даже самая бешенная. Это был звук, от которого молодые седеют, а люди со стальными нервами превращаются в трясущихся неврастеников.

Завывания исходили отовсюду. Казалось, сам воздух, насквозь пропитанный злом, порождает их. И в этом звуке предельно ясно читалась ненависть ко всему, что несет в себе хоть малейшую частицу добра.

Стрелка окружили какие-то липкие и влажные потоки. Они входили в него, охватывали тугим кольцом, не давая дышать, стремились проникнуть в сознание, чтобы оставить там свой неизгладимый след. Однако, единственное, что почувствовал стрелок, так это невероятное отвращение и... радость, что Джейка здесь нет.

Роланд крепко сжал зубы, не позволяя им выпасть, ноги моментально обрели твердость, ладони слились с гладкими сандаловыми рукоятками револьверов. Стрелок даже позволил себе улыбнуться. Он вспомнил схватку с жителями Талла, в которой было уничтожено все его население; вспомнил **ПРОТИВОСТОЯНИЕ** учителю, после которого стал стрелком; вспомнил еще много подобных случаев, которые, в конечном счете, имели одну общую для всех особенность – каждому из них предшествовало невероятное по своей силе ощущение. Именно его сейчас испытывал Роланд. В такие моменты он переставал

думать о Темной Башне – хотя помнил, что делает это для нее – а лишь предвкушал предстоящую битву и возможную победу. Роланду нравилось это, поскольку для этого он был рожден, для этого его воспитывали, для этого он стал стрелком – для сражения.

Стрелок среагировал за секунду до того, как зубы огромного сенбернара – те самые, кусачие – должны были сомкнуться у него на горле. Существо, атаковавшее Роланда – именно существо, потому что от собаки в нем практически ничего не осталось: шерсть, ранее пышная и густая, сохранилась теперь только на концах лап и кое-где на загривке, да и та приобрела мутный желто-зеленый оттенок, зато все тело покрывала какая-то вязкая слизь, очень похожая на ту, что оставляют после себя улитки; вместо хвоста торчал короткий догнивающий обрубок; ушей и носа почти не существовало; только глаза и зубы были (или выглядели) живыми... даже слишком живыми; глаза светились ярким, алым, но очень холодным огнем, а зубы в своей совершенной форме напоминали идеально ровную каменную стену – получило пулю в широко разинутую пасть, из которой торчал бледный язык, и отлетело на несколько шагов.

Через мгновение сенбернар уже был готов возобновить атаку.

За то недолгое время пока собака – когда-то же оно было собакой – отходила от выстрела, Роланд успел заметить, что существо не издает шума при движении, не просто ловко перемещается, а абсолютно беззвучно. Очевидно, целью такого молчаливого нападения была попытка деморализовать противника. На стрелка, однако, она не подействовала. Большую угрозу для него представляла молниеносная реакция сенбернара и его устойчивость против пулевых ранений.

Стрелок сделал шаг в сторону. Этого оказалось достаточно, чтобы спасти ему жизнь... но и только. Мимо Роланда пронеслась огромная зловещая тень, которая принесла с собой боль. Стрелок почувствовал, как разрывается ткань рубашки, а следом за ней расходятся мышцы его тела. Узкий, но глубокий след начинался с правой стороны между ребрами, тянулся наискось вверх, где обрывался, но только лишь для того, чтобы вновь появиться на руке, чуть по ниже плеча.

Кусачие зубы сенбернара обагрила кровь.

Стрелок не стал тратить время на осмотр раны – собственно, времени у него не было – а вскинул руку с револьвером, зажатым в ней, ощутил ритмичные толчки боли в правом боку, каждый из которых отдавался непосредственно в мозг, и выстрелил.

Один глаз собаки погас, словно перегоревшая лампочка.

Стрелок криво усмехнулся, сам поражаясь неуместному веселью, и тут же упал на колени. Перед глазами у Роланда поднялся серый крошащийся туман. Стрелок взмахнул руками – дымка распалась на мельчайшие частицы, но потом опять соединилась, став еще гуще.

"БЕЗНАДЕГА! Мало того, что я сражаюсь с мертвой собакой, которой полагается гнить в могиле, так еще и не вижу ничего, словно объелся бес-травы", – отстраненно подумал Роланд.

Он посмотрел сквозь пелену на единственный горящий глаз сенбернара, который был отчетливо виден, перевел апатичный взгляд на свою рану – кровь продолжала растекаться, пропитывая рубашку – облизал губы, которые сохраняли следы долгого пребывания в пустыне, и был отброшен назад мощным ударом в грудь. Стрелок почувствовал, как в него швырнули мешок с песком, который и придавал его к земле, однако, упрямое зрение говорило обратное – мертвый сенбернар прыгнул на него и теперь заносит лапу для очередной атаки. Роланду в голову врезался огромный молот боли, который замаскировался под облезлую собачью конечность, и утащил с собой пучок волос и кусочек кожи. Кровь медленно стекала по виску, попадая на щеку и в ухо. Но главное, что туман перед глазами исчез.

Теперь стрелок мог достаточно четко рассмотреть, что его револьвер валяется в нескольких метрах слева, а второй находится в кобуре, надежно прижатой к земле. Он также прекрасно понимал, что, если не начнет сейчас же сопротивляться, то "кладбище домашних животных" можно будет переименовывать в "кладбище домашних животных и последнего в мире стрелка".

Единственным его оружием на данный момент был нож. Да, нож, идеально отточенный, с выделанной рукояткой; нож, который он предусмотрительно захватил с собой прежде, чем покинуть Джейка и который теперь торчал за поясом.

Превозмогая огненную боль в правом боку, которая прочно там поселилась и не желала уходить, подступающую к горлу тошноту и головокружение, расколовшее сознание пополам, стрелок выхватил нож и, не утруждая себя лишними раздумьями – сейчас они действительно были лишними – полоснул им. Стальное лезвие ножа разрезало морду собаки от несуществующего уже глаза до зубов. Сенбернар без единого вопля отскочил назад. Кровь не хлестала из раны – она была слишком густой... и мертвой для этого – она лишь немного выползла и тут же запеклась. Однако, существо не спешило вновь бросаться на Роланда, так как раны, нанесенные ему стрелком, давали о себе знать – из пасти собаки показалась кровавая пена, Роланд, воспользовавшись передышкой, поднялся на ноги и достал левой рукой револьвер. Он прикрыл один глаз, в который попала кровь из раны на лбу, и трижды выстрелил. Сенбернар все так же молча повалился на бок и... уже не встал.

Стрелок медленно опустил револьвер в кобуру, а затем на нетвердых ногах отправился за вторым. Когда Роланд нагнулся, чтобы поднять оружие, предательская земля приблизилась к его лицу, а затем так же неожиданно отступила. Снова приблизилась, опять отступила. Приблизилась... отступила, вверх... вниз, вверх... вниз. Или может правильнее вниз... вверх? Все равно, как на лифте, знать бы еще, что это такое. Земля продолжала двигаться в своем упоительном ритме, которому стрелок не в силах был противиться. Он лишь закрыл глаза, чтобы не так болезненно ощущать колебания, и подумал: если собака окажется недостаточно мертвой и найдет в себе силы, чтобы прыгнуть на

него, то ему не придется беспокоиться о такой малозначительной детали, как головокружение.

Однако, ничего не произошло. Стрелок внимательно посмотрел на револьвер, который теперь лежал неподвижно, аккуратно переложил нож из правой руки в левую и быстро – насколько это было возможно в его состоянии – поднял оружие и выпрямился. Револьвер занял свое законное место в кобуре. Заплетающиеся ноги повели стрелка вон из заколдованного круга. Как только он пересек заветную черту, то почувствовал, что у него из мозга удалили давно засевшую там огромную занозу, которая мешала связно думать и притупляла ощущение реальности. Но вместе с облегчением пришла новая, более сильная боль – это раны на боку и голове давали о себе знать.

Стрелок сел на мертвую землю, прислонившись к мертвому дереву, чуть подальше лежала мертвая собака, а мертвое солнце вонзило ему в спину свои мертвые лучи. Роланд дотронулся кончиками пальцев до раны на лбу – она была неглубокой, и кровь уже стала подсыхать. В ответ на это прикосновение сотни маленьких молоточков застучали у него в голове. Самый усердный из них как раз приближался к левому виску, стремясь вырваться наружу. Стрелок поморщился и убрал руку. Ему ужасно хотелось пить. Он облизал шершавым языком покоробленные губы, набрал полные легкие воздуха – действительно очень влажного – и только сейчас ощутил, что здесь довольно прохладно. После расплавленного воздуха пустыни этот не просто освежал, а вызывал дрожь. Стрелок воткнул нож в землю возле себя и закрыл глаза. Он подумал о Джейке, который остался один в бескрайней пустыне. Роланд беспокоился о мальчике – хотя и помнил слова Мизери – поэтому решил не тратить времени на осмотр раны в боку, которая уже не кровоточила, а как можно быстрее выбраться отсюда.

Стрелок знал, что нужно делать. Кусачие зубы – он прекрасно это помнил. Роланд вытащил нож, вытер его о пропитанный кровью рукав рубашки и направился к мертвому сенбернару. Стрелок опустил на колени перед собакой и вырезал у нее два верхних клыка; ему не пришлось прилагать много усилий, так как зубы легко вышли из десен. Роланд увидел на клыках свою кровь и инстинктивно отскочил назад. Языки голубого пламени, поднимающиеся в воздух футов на пять, охватили существо на земле. Стрелок заморожено смотрел, как огонь, который абсолютно не несет тепла, а лишь разрушения, пожирает собаку. Казалось, сенбернар купается в призрачном свечении... но одновременно и растворяется в нем. Постепенно огонь угас, оставив после себя черные следы на земле. Если они имели какой-то смысл, то он был не доступен стрелку. Роланд крепко сжимал в руке первую из трех частей необходимого ему талисмана.

Вторая часть – глаза дракона. Стрелок улыбнулся при мысли о том, как будет сражаться с одним из них. Конечно, он слышал о драконах в древних легендах. Это огромные существа, покрытые чешуей; они могут летать и изрыгать пламя. Вот только домашними животными их не назовешь. Стрелок опустил зубы сенбернара в карман джинсов и услышал какой-то странный

(шелест опавших листьев)

звук. Он резко обернулся – как раз вовремя, чтобы полюбоваться, как челюсти здоровенной ящерицы-варана вгрызаются в его сапог. Стрелок готов был поклясться, что не услышал приближения ящерицы потому, что она вовсе и не приближалась, а сразу появилась около него. А варан действительно огромный – от головы до хвоста не меньше десяти футов. Зеленая чешуя его в острых лучах солнца вызывающе поблескивала. По бокам тела ящерицы были видны необычные разводы, напоминающие глаза

(дракона)

какого-то загадочного существа. Звук, привлечший внимание Роланда, издавал язык варана, когда высовывался из пасти.

Ящерица рванула стрелка за ногу, увлекая того на землю, и продолжила терзать сапог, стремясь добраться до живой плоти. Стрелок, чувствуя, что у нее это неплохо получается, пнул ящерицу свободной ногой. С таким же успехом он мог бы этого и не делать. А варан тем временем пробовал кровь Роланда на вкус. Стрелка все еще мучила жажда, но теперь к ней прибавилось ощущение, что он наглотался песка. Роланд попробовал приподняться, чтобы вонзить нож, который он сжимал в руке, ящерице в голову, но она снова дернула его за ногу, опрокинув на спину. Стрелок вытащил левой рукой револьвер и, лежа на земле, выстрелил в надоедливое, упрямое существо. Пуля попала варану в шею и вылетела с обратной стороны. Ящерица ослабила хватку. Роланд воспользовался этим и рванулся вперед. Он никак не мог избавиться от вкуса песка в горле. Стальное лезвие блеснуло на солнце и глубоко погрузилось в загрызок ящерицы.

Варан не разжал челюстей, зато его хвост принялся хлестать по земле. Это были предсмертные судороги, но удары все равно были очень сильными. Стрелок подумал, что одного такого удара хватило бы для того, чтобы снести ему голову. Роланд выдернул нож – странно, но на нем почти не было крови – и снова воткнул его в гладкое зеленое тело ящерицы. Движения хвоста постепенно замедлялись и теряли свою силу, а потом прекратились вовсе. Стрелок отпустил рукоятку ножа и попробовал разжать челюсти варана руками, однако, они не поддавались, словно стальной капкан. Тогда он просунул лезвие между своей ногой и зубами существа, используя нож как рычаг. Челюсти слегка разошлись, и Роланд смог освободить ногу от мертвой хватки ящерицы. Стрелок отодвинулся от варана и развалился на земле. Как ему хочется пить – в пустыне он так не страдал от жажды, как здесь.

Дыхание стрелка было прерывистым, вкус песка во рту становился все более нестерпимым. Боль в пальцах на ноге отдавалась острыми толчками во всем теле. Он смотрел на далекое небо, затянутое серой предрассветной дымкой. Кое-где рваные облака, подвергшиеся нападению первых солнечных лучей, расступились, но в основном они выстояли, а солнце умерло. Стрелок искал взглядом СВЕТЯЩИЕСЯ звезды, но они то ли погасли навсегда, то ли надежно скрывались от посторонних глаз. Он попытался вспомнить, каким же было небо в его мире до того, как он сдвинулся с места... и не смог. Не смог сказать определенно, потому что оно бывало разным, но всегда таким, каким должно

было быть. А здесь небо превратилось в серый измученный кусок пространства, который потерял всяческий интерес к окружающему миру, и никогда не менялся.

Воспоминания привели стрелка к его друзьям. Это было неизменно и правильно – во всяком случае, так ему казалось. Друзья были символом его детства, которое прошло в мире, еще не сдвинувшемся с места, в мире, исполненном любви и света. Но сейчас их уже не было. Многие отправились на поиски Темной Башни, но теперь остался только Роланд – последний стрелок. Возможно, он выжил потому, что был лучшим среди них и первым победил учителя. Отец всегда говорил, что он не такой смысленый, как Катберт, и поэтому будет неодолимым. Но возможно, еще и потому, что пожертвовал остальными во имя Темной Башни. Стрелок не знал, какое утверждение правильно, но предполагал, что оба.

Роланд подумал о Джейке, которому был нужен и в котором нуждался. Вот только, почему? Стрелок не знал. Он успел сильно привязаться к мальчику, однако не хотел себе в этом признаться, так как не был уверен, что сможет принять однозначное решение, когда придется выбирать между Джейком и Темной Башней. Стрелок не собирался своим бездействием допустить смерть мальчика, он знал, что будет спасать его – не ради какой-то корысти, просто ему необходимо сделать нечто не только для себя и Башни, а для кого-то еще – до того... До чего? До тех пор, пока угроза не нависнет над самой Темной Башней? А что потом? Он спокойно позволит Джейку умереть и продолжит свой путь? Стрелок не хотел сейчас думать об этом, потому что не знал ответов на все эти вопросы.

Неизменное небо было равнодушно к мыслям Роланда, как и ко всему остальному. Стрелок поднялся на ноги и подошел к мертвой ящерице. Как профессиональный хирург, вырезал он два куска кожи с боков варана, те с разводами в форме глаз дракона и тут же подался назад. Огня не было. Вместо этого ящерица просочилась сквозь землю, оставив после себя загадочный, а, возможно, исполненный вселенского смысла – хотя вряд ли, подумал Роланд – след. Стрелок мысленно подивился тем санитарным нормам, которых придерживаются в этом зловещем месте. Такая мысль вызвала у него улыбку. Это было романтично: когда враги, поверженные тобой, сгорают в адском пламени или проваливаются в преисподнюю.

Стрелок отправил куски кожи в карман джинсов, где уже лежали кусачие зубы сенбернара, и подумал о третьем элементе для талисмана – движущемся пальце. Долго ждать не пришлось. Роланд увидел своего нового противника задолго до его приближения. Впереди, ярдов на десять, по траве полз огромный мохнатый паук. Стрелок прикинул, что он едва ли уместится на двух его ладонях. Роланд не сомневался, что паук ядовитый, при чем смертельно, но это все равно выглядело слишком простым: стрелок может раздавить его каблуком сапога. Роланд знал, что это лишь выглядит так, поэтому произнес:

– Мизери, что мне делать с пауком?

Сверху полился смех, от которого веки стрелка отяжелели, в голове зазвучали чьи-то голоса – в основном из его далекого прошлого – и он почувствовал, как засыпает. Роланд тряхнул головой, едва успев подумать, зачем же она это делает, а смех уже сменился речью:

– Не зря ты остался последним из стрелков. Ты прав: паук действительно не противник, но тебе не суждено победить его. Движущийся палец – это жало паука. Подставь свою руку, чтобы он укусил тебя, оставив жало в твоей плоти. Затем вырежь его и изготовь талисман-оберег.

– Но паук ядовитый.

– Несомненно.

– Где я возьму противоядие?

– Я подскажу тебе... позже.

– Через сколько подействует яд?

– Кто знает, может через два часа, может через три. Все зависит от твоего кхефа, стрелок.

Роланд на мгновение задержался, обдумывая слова Мизери и прикидывая, какие у него шансы, чтобы выжить. Он решил, что неплохие – и улыбнулся этой мысли, которая тоже была романтической – и направился к пауку. Стрелок усадил мохнатое насекомое к себе на левую руку, которая была меньше повреждена, и тут же ощутил болезненный укол. Он скинул паука на землю. Чуть выше запястья расположилась маленькая дырочка, из которой торчало – не больше, чем на дюйм – жало. Стрелок расширил ножом рану и выдернул шип, около двух дюймов длиной. Он не стал мешкать, а сразу вышел из круга, приносящего лишь помутнение рассудку и боль голове. Стрелок сел под деревом, у которого отдыхал до этого, и принялся собирать талисман-оберег. Он разложил на земле все его составляющие части: клыки сенбернара, куски кожи ящерицы и жало паука – хотя стрелку больше нравилось: кусачие зубы, глаза дракона и движущийся палец – это было романтичнее. Что за день сегодня – сплошная романтика? Надо будет запомнить число. Стрелок улыбнулся своим, несколько бессвязным, мыслям и продолжил работу. Он вытащил из ворота рубахи сыромятный шнурок и привязал посередине жало паука. Затем с двух сторон от него на одинаковом расстоянии прикрепил особым узлом клыки собаки. Настал черед глаз дракона занять положенное им место в талисмане. Стрелок проделал в них небольшие дырки, через которые продел шнурок. Он расстелил оберег на земле: это выглядело, как лицо – гротескное, конечно, но все же – какого-то существа. Стрелку понравилось подобное сходство. Роланд обвязал талисман вокруг шеи, чувствуя, как в него вливается тепло, которое принесло с собой уверенность – иррациональную и глупую, но тем не менее приятную – в своих силах. Стрелок поднял глаза к равнодушному, бесчувственному небу и сказал:

– Ладно, Мизери. Давай выбираться отсюда.

5

Джейк резко вздрогнул и несколько раз моргнул, чтобы картина перед глазами обрела четкость. Он ненадолго уснул, прислонившись спиной к столбу, а потом услышал этот звук. Может, он ему просто приснился? Наверное, так и было, потому что Джейк не помнил, какой именно звук услышал. Мальчик огляделся по сторонам: вокруг на многие мили растянулась все та же гнетущая разум и глаз пустыня, которую черной безжалостной полосой рассекало шоссе. Огненный ветер, который, казалось, способен воспламенить бумагу, поднимал в воздух небольшие горсти песка и разбрасывал их по земле.

Джейк поднялся на ноги, отряхивая пыль с джинсов. Пыль эта – здесь ее было предостаточно – не особенно, впрочем, поддавалась усилиям мальчика; похоже, она просто смешалась с волокнами ткани. Оставив эту бесполезную затею, Джейк подумал, что надо бы поесть. Ему нужны силы, чтобы выдержать до прихода Роланда. Кстати, сколько прошло времени с тех пор, как стрелок ушел, или правильнее будет сказать, исчез? Мальчик не знал, как долго спал, а его часы в этом мире почему-то не работали. Солнце – даже если бы он умел ориентироваться по нему – все равно не могло помочь Джейку, так как упрямо не желало менять свою теперешнюю позицию.

Достав из сумки Роланда вяленое мясо, Джейк принялся за еду. Он ел не спеша, маленькими кусочками, тщательно их пережевывая. Изредка делая глоток воды из бурдюка, прекрасно понимая, что ее нужно экономить. Мясо было жестким и очень соленым, но мальчик не обращал на это внимания, а лишь равномерно двигал челюстями. Немного перекусив, Джейк вытер тыльной стороной ладони губы, отхлебнул еще чуть-чуть воды и стал складывать оставшееся мясо обратно в сумку. Закончив обедать, он уселся на землю. Обедать, Джейк усмехнулся; сейчас вполне мог быть и ужин, или завтрак, а может вообще – ночь. Хотя какая разница, солнце все равно беспощадно к путникам, вроде них с Роландом? И это действительно не имело значения.

Джейк прикрыл воспалившиеся от яркого света и колючего песка глаза. Он подумал о стрелке и еще о том, почему же они идут вместе. Джейк не был уверен, что присоединился к Роланду только лишь для того, чтобы не умереть в пустыне. Ему в этом порыве виделось нечто, похожее на зарождающуюся дружбу, которая бы очень польстила Джейку. Мальчик решил, что стрелок, возможно, испытывает подобное чувство. Губы его растянулись в улыбке, и он стал погружаться во мрак (странное это место: только приляжешь, а уже тянет на сон, должно быть жара виновата). Находясь на границе небытия и пугающей реальности, Джейк ощутил, как над ним исчезло солнце, плечо обрело способность самостоятельно двигаться, а потоки раскаленного воздуха сложились в слова:

– Вставай, Джейк. У нас очень мало времени, – до боли знакомый голос.

– А, Роланд, ты вернулся, – только когда последний звук сгорел в жаре пустыни, мальчик открыл глаза.

Серое, покоробленное лицо со следами тяжелых испытаний, которые были с твердостью и ужасающим хладнокровием вынесены, с запекшейся на нем кровью

и свежими ранами смотрело на Джейка. Однако, надо всем этим возвышались бездонные голубые глаза, казалось, говорившие: "Да, Джейк, я вернулся... как и обещал".

Усталой, измученной радостью ответил мальчик на взгляд стрелка, а потом спросил, небрежно, словно и не хотел услышать ответ:

– Что это у тебя на шее?

– Оберег, – нетерпеливо произнес Роланд. – Я тебе потом расскажу. Сейчас нужно торопиться. У нас еще осталась вода?

– Осталась в бурдюке. Я экономил, – мальчик уже поднимался на ноги. Стрелок одобрительно кивнул, и Джейку было приятно сознавать, что он сумел побороть слабость и поступил правильно. Роланд сделал два больших глотка, заглывая вкус песка во рту, и опустился на землю.

– Присядь, Джейк, – голос стрелка был твердым. – Мне нужно поесть. Мальчик повиновался, а Роланд тем временем достал мясо из сумки. Он ел, быстро, почти глотая куски, и запил всего один раз. Джейк хранил молчание. Стрелок убрал оставшуюся провизию в кошель и вынул оттуда несколько обрывков ткани. Он стал снимать рубаху, и мальчик только сейчас заметил, что правая ее сторона почти полностью пропитана кровью. Под рубахой от живота до плеча тянулся совсем свежий алый след. Джейк очень хотел спросить, откуда он, но не решался. Стрелок перевязал рану и начал одеваться. Однако, прежде чем плотная материя рубахи скрыла от Джейка кожу Роланда, он успел разглядеть на левой руке вздувшийся волдырь с расходящимися от него красными полосами.

Стрелок внимательно и несколько напряженно посмотрел на Джейка:

– Там, где я был, меня укусил ядовитый паук. Теперь я умираю.

Джейк еще только подумал, что Роланд не в себе, и в ужасе отшатнулся. Его, в раз ставшие деревянными, губы едва шевелились:

– Почему именно так? Почему никак иначе?

– Таков ЖРЕБИЙ, Джейк... таково ка, – стрелок говорил спокойно, со сводящей с ума отрешенностью. – Но сейчас это уже не важно, важнее другое. – Роланд взглянул на неподвижное солнце. – Этот мир просто разбит на РАЗНЫЕ СЕЗОНЫ. – Джейк ничего не понял, но перебивать не стал, а стрелок продолжил, – То же самое может произойти и с моим миром: он утратит свою целостность и погибнет. Я могу спасти его, но я умираю.

Джейк сначала решил, что это яд так действует на Роланда, и он не может связно мыслить, но потом подумал, что все, сказанное стрелком, правда; и в этой правде скрыто нечто очень важное для самого Джейка.

Стрелок на мгновение умолк – лишь для того, чтобы глотнуть воздуха – и повел дальше свой рассказ в несколько сбивчивом ритме:

– Яд подействует часа через три. За это время нам необходимо найти противоядие. Я говорю нам, потому что теперь ты пойдешь со мной. – Джейк согласно кивнул. – Я рад, что... не пришлось тебя уговаривать.

На самом деле мальчик прекрасно сознавал, что стрелок хотел сказать совсем другое, и те слова, которые готовы были сорваться с его губ, но так и остались невысказанными, были самым главным в их разговоре.

– Куда мы отправляемся? – абсолютно бесцветный голос Джейка сливался с окружающим пространством.

– Мизери сказала, что в конце ЗЕЛеной МИЛИ будет противоядие.

– Где это – зеленая миля?

– Она начинается прямо отсюда.

Джейк посмотрел вперед на шоссе.

– По-моему, ничего сложного, просто пройти одну милю. Я хочу сказать: это же не много.

Стрелок улыбнулся и снял с шеи талисман.

– Зачем это? – мальчик выглядел испуганным.

– Точно не знаю, но лучше пусть он пока будет у тебя.

Джейк осторожно надел оберег, и какое-то странное чувство охватило его, будто он стал... сильнее. Мальчик вопросительно посмотрел на стрелка, но тот лишь утвердительно кивнул и спросил:

– Так ты готов идти?

Настал черед Джейка кивать головой.

Стрелок поднялся на ноги и взял кошель. Мальчик уже стоял рядом с ним, сжимая в руках почти опустевший бурдюк.

Так они и пошли, преодолевая путь, который казался Джейку довольно легким, а стрелку – подозрительно легким.

Пятьсот ярдов – это много? Для зеленой мили – очень много... но не достаточно много. Не достаточно, чтобы выжить. А выжить нужно... таковы правила: подняться на ноги и идти, помнить лицо своего отца и быть достойным его револьверов... во имя Башни, во имя всего благородного, что еще осталось в мире, сдвинувшемся с места. Правила жестоки и порой нечестны... за то они неизменны.

Почему ноги не слушаются? Они какие-то тяжелые, неуклюжие и будто чужие. Каждый шаг – это подвиг... и одновременно победа над болью и собственной слабостью. Шаги такие медленные, но очень громкие. БУМ. Звон в ушах нарастает. БУМ. Голова сейчас лопнет. БУМ. Сердце колотится в бешеном ритме. Лицо Джейка. Испуганное. Он не понимает, что происходит. Хочет помочь, но не знает, что делать. Славный малый. Он был... на дорожной станции, кажется. Или это был не он? А если не он, то кто? Сейчас это не важно. Он выглядит вполне здоровым. Хорошо, что оберег остался у него. Надо бы ему сказать, чтобы не волновался; одними губами: "Все в порядке. Продолжай идти". Кривая, обреченная улыбка. Далеко не все в порядке... но идти действительно необходимо.

Дорога на самом деле такая черная, как выглядит? Чернее ночи... да что там – чернее всех ночей, вместе взятых. Чернее самого страшного отчаяния, после которого нет уже ни жизни, ни смерти. Чернее человека в черном. Сдавленный,

растрескавшийся смех, точно карканье ворона, заглушенное пылью. Джейк встревожен... часто оглядывается... пытается что-то сказать, но губы его лишь беззвучно шевелятся. А дорога течет все дальше и дальше. Переливается... плавно... аккуратно... уверенно... привычно... будто масло. Невозможно противиться ее настойчивым призывам. Асфальт – так, кажется, называл его Джейк – становится мягким, прилипает к подошвам, мешая идти. Он упрямо не хочет отставать... надежно приклеился. Хорошо, что у нас только грунтовые дороги.

Почему солнце до сих пор не взорвалось? Трудно, наверное, все время светить, да еще так ярко. Похоже, оно решило сжечь весь мир, а заодно и себя. Любопытно будет посмотреть. Нет, правда, хочется, чтобы уже настала ночь. Ночная прохлада, приносящая успокоение... далекие, холодные звезды, на которые приятно смотреть, потому что они не вмешиваются в чужие мысли... глубокий, крепкий сон, означающий в данном случае только отдых.

Воздух должен быть таким густым? Если нет, то почему через него трудно продвигаться? Он как не до конца застывшее желе – приятен только на вид.

Если заглотнуть его слишком глубоко, можно обжечься. Да и вкус у него, надо сказать, отвратительный, смешанный с пылью и еще чем-то. От этого воздуха болят глаза, которые все время приходится прищуривать, сохнет и портится кожа, а волосы становятся жесткими, как проволока.

Что это горит? Рука, или может все тело? Предательская краснота уверенно расплзается – от кончиков пальцев до предплечья. Жар. Все сгорает в огне. Силы, которых и так осталось не много, быстро тают. Вот только огонь этот не сможет уничтожить мысли о Темной Башне и желание дойти до нее. Руки слегка дрожат, но это скоро пройдет. Главное – не упасть, а то подняться будет очень сложно. Яд действует быстрее, чем можно было предположить. Так и паук здоровый... весь такой мохнатый. Интересно, чем он питается? Впрочем, не важно. Хороший получился оберег... надежный. Джейк совсем не испытывает влияния зеленой мили, хотя талисман не для этого. В голове – будто кузня, работающая без перерыва. Нет, улыбаться не стоит – это пугает Джейка. Должно быть, совершенно безумная ухмылка, если он каждый раз шарахается в сторону. А чего еще можно было ожидать? Ужасно хочется пить, горло дерет, и язык распух, но воды почти не осталось – придется потерпеть. Уже скоро конец. Ну, не конец путешествия, а привал. Он должен быть, обязательно должен, иначе...

Путь обманчиво прост.

Что такое? Похоже, яд вызывает еще и галлюцинации. Хорошенькое дело – три дороги вместо одной. Джейк совсем растерян: нервничает, паникует, зовет кого-то по имени. Надо бы его успокоить, вот только сил уже нет, да еще этот голос, упрямо желающий добраться до мозга. Вроде знакомый. Может послушать, что он говорит?

"Перед тобой три дороги, стрелок, три духа: КЭРРИ, КРИСТИН, ДОЛОРЕС КЛЭЙБОРН. Выбирай свою сам. Мальчик тебе не поможет. От этого выбора зависит не только твоя судьба".

Думать совсем не хочется. Это кажется таким нереальным. Однако, приходится делать два шага вперед и всматриваться в знойную пустоту.

Над первой дорогой – лицо Элли, женщины из Талла. Теперь уже мертвой. Нет, это не тот путь. Шрам на лбу у Элли ярко горит. Она приведет их к гибели, которой удалось избежать в Талле.

Следующий образ – Сюзан. Отголосок давно ушедшего, почти забытого прошлого. Чем же там все закончилось? Кажется, весьма печально. Сюзан означает страдания. Им нужно не сюда.

Третий путь чист. Чист, потому что на нем только предстоит написать историю... историю их судеб.

Собрать оставшиеся силы и выдавить из себя: "Джейк, идти нужно направо. Только направо. Там спасение".

Голова, перенесшая такое напряжение, теперь требует расплаты. Расплачиваться приходится болью. Мозг протестует, но это мало помогает. Ноги, как ходули, и все время норовят расползтись в стороны. Дыхание хриплое и прерывистое. Асфальт черной зловещей тенью начинает приближаться... вырастает до устрашающих размеров... а затем резко отступает во мрак.

Миллиарды немигающих звезд, отбрасывающих свой тусклый свет на спящий мир. Мягкая прохлада, окутывающая со всех сторон, точно одеяло. Нереальна тишина, будто повисшая в воздухе, которую изредка нарушает треск костра. Это ночь. Похоже, желание стрелка исполнилось. Это действительно ночь.

Роланд резко сел, одновременно пытаясь заглушить крик, рвущийся у него из горла. Он дико озирался по сторонам, ища что-то глазами. Наконец, его взгляд остановился на мальчике, сидящем напротив. Пламя плясало на щеках парнишки, придавая им оттенок бронзы.

Стрелок открыл рот, и сам удивился тем слабым звукам, которые из него вышли:

– Джейк, где противоядие? – вопрос повлек за собой мгновенную, но не очень сильную вспышку головной боли.

Мальчик устало взглянул на стрелка:

– Ты уже принял его. Разве не помнишь?

Роланд нахмурился, пытаясь вникнуть в смысл только что услышанных слов. Этому мешала еще не ушедшая боль в голове и появившаяся, гораздо более мучительная жажда.

– У нас есть вода, Джейк?

Мальчик, не произнося ни слова, протянул стрелку полный бурдюк. Роланд с благодарностью принял его, стал жадно пить и только потом спросил:

– Откуда столько воды? Бурдюк же был почти пустым.

Джейк неопределенно махнул рукой.

– Там дальше есть ручей.

Стрелок только сейчас сообразил, что они находятся не в пустыне. Вокруг простиралась равнина, покрытая остатками некогда зеленой травы. Из ночной мглы выглядывали деревья, прислушиваясь к их разговору. Стрелок еще подумал,

что в мертвом мире вряд ли должны быть такие места, а губы его уже, набравшись силы, исполняли свое предназначение:

– Где мы?

– На ТЕМНОЙ ПОЛОВИНЕ Внешнего мира, – голос Джейка ничего не выражал.

– Откуда ты это знаешь? – стрелок никак не мог понять, что здесь происходит.

Джейк поворошил палкой костер – тысячи светлячков вылетели из него лишь для того, чтобы тут же сгореть в мареве ночи.

– Мизери мне сказала. Она перенесла нас сюда после зеленой мили.

Обрывки каких-то образов всплывали в сознании стрелка. Очень смутные, будто все это происходило не с ним. Они идут по зеленой миле за противоядием... Погода просто ужасная... Ноги не слушаются... Хорошо, что оберек у Джейка... Яд действует быстрее... Липкая дорога... Галлюцинации... Настойчивый голос... Только направо... Мрак...

Стрелок взмахнул руками, точно отгоняя призраков воспоминаний, и обратился к мальчику:

– Джейк, расскажи мне, что произошло. Я почти ничего не помню.

Джейк заговорил, а Роланд слушал молча, не перебивая.

– Как только мы пошли за противоядием, ты стал каким-то странным. Шел, шатаясь и очень медленно. Не отвечал на мои вопросы, а изредка что-то бормотал и улыбался, как безумный. Я подумал, что это яд так на тебя действует. Потом мы подошли к месту, где дорога расходилась на три пути. Я не знал, по какому нужно идти; спрашивал тебя, но ты только смотрел на меня и молчал. Затем ты прошептал, что необходимо идти направо, а сам упал на асфальт и отключился. Сначала я испугался, но потом сделал, как ты велел, и нашел противоядие. Когда я вернулся, ты немного пришел в себя и смог выпить лекарство. Мизери перенесла нас сюда, ты уснул, а я сходил за водой и развел костер. Ты проспал несколько часов, тебе уже должно быть лучше.

Стрелок лишь кивнул – ему действительно стало лучше. Голова почти не болит, красные полосы на руке исчезли, вот только есть хочется.

– Джейк, мясо еще осталось?

Мальчик протянул стрелку сверток, в котором оказалось вяленое мясо, нарезанное мелкими кусочками. Роланд аккуратно прожевал один из них, при чем горло его протестующе сжалось.

– Как ты назвал это место? – стрелок потянулся за следующим куском.

– Темной половиной.

– Нет, другое.

– Внешний мир. Так сказала Мизери. Это место, где можно встретить нечто из каждого мира: вокруг много других миров.

– Я знаю, Джейк, – стрелок кивнул, задумчиво пережевывая жесткое мясо. – А что дальше?

– Не знаю. Спроси у нее сам.

Стрелок, не понял, в чем причина раздраженности Джейка. Он был еще не достаточно здоров, чтобы задаваться подобными вопросами.

– Мизери, ты здесь? – стрелок смотрел на далекие звезды.

– Я слушаю.

– Что делать дальше?

– Мы направляемся к выходу. Дверь в твой мир, стрелок, охраняют ТОММИНОКЕРЫ. Талисман-оберег, который ты сделал, поможет пройти через них. Как только будете готовы, можем приступать.

– Ты бросишь меня, – неожиданно громко выкрикнул Джейк.

Роланд вздрогнул, как от удара. Он внимательно посмотрел на мальчика, совершенно сбитый с толку.

– Почему ты так считаешь, Джейк? Мизери тебе сказала?

Мальчик молчал.

Стрелок тоже безмолвствовал. Он не знал, что нужно говорить; не знал, прав Джейк или ошибается; действительно не знал, что выберет – мальчика или Башню.

– Тебе необходимо отдохнуть, – Роланд скорее подумал, нежели произнес эти слова. Однако, Джейк уже лежал на земле, обратив свой взгляд в противоположную сторону, и стрелок не ведал, о чем его мысли.

Роланд не спал, хотя его и не мучила БЕССОННИЦА. Он размышлял о том, что ждет их впереди. Стрелок заворожено смотрел на пламя костра. МРАЧНЫЙ ТАНЕЦ разыгрывался там. Рождались и умирали миры. Вершились судьбы людей. Сталкивались в безудержном порыве титанические силы, подвластные разве что Темной Башне. Был там и его мир, умирающий, расколотый, сдвинувшийся с места. Был там и сам стрелок в своем нескончаемом поиске, ставшем смыслом его жизни и полностью заполнившем пустоту, образовавшуюся в нем после упадка мира любви и света. Единственное, чего там не было, это ответов, что будет дальше и как стрелок сможет с этим справиться.

Роланд задумался над словами Джейка. Действительно ли он позволит мальчику умереть? Снова вспомнил стрелок о своих друзьях. Все они погибли на пути к Башне. Неужели Джейка ожидает та же судьба? Если так, значит Роланд просто проклят, раз вынужден нести смерть всем, к кому не равнодушен. В прочем, подумал стрелок, всегда остается выбор: можно отказаться от Башни.

Он прекрасно понимал, что скоро ему придется сделать этот выбор, но он не знал, что выберет, равно, как и не знал, что правильнее. Возможно, когда настанет время принимать решение, он будет знать – но не сейчас.

Костер догорел, оставив после себя узор, похожий на те, что человек в черном аккуратно выписывал в пустыне. Порывы ветра подхватывали последние клубы дыма и бережно заворачивали в них стрелка. Единственными свидетелями этого действия были немигающие звезды, потому что Роланд уже спал, и снилась ему, вот уже двенадцать лет, Темная Башня.

Когда стрелок проснулся, Джейк не спал; он сидел на земле и смотрел в никуда. Ночь не сменилась днем, как того следовало ожидать. С неба сквозь отверстия с неровными краями лился призрачный свет. Звезды есть везде, с этой мыслью стрелок стал подниматься.

Роланд собирался молча: он быстро упаковал все вещи, сходил к ручью за водой и через пятнадцать минут стоял около Джейка.

– Ты готов идти?

Мальчик ничего не ответил, а просто поднялся на ноги. Стрелок заглянул ему в глаза и прочел на самом их дне надежду, что может быть этого и не случится.

– Мизери, мы готовы отправляться.

Они стояли посреди той же пустыни, с которой начался их путь по Внешнему миру. После ночной прохлады жара ощущалась особенно болезненно. Легкие тут же обжег раскаленный добела воздух. Кожа почувствовала на себе удары колючего ветра, а глаз приводил в уныние бесцветный пейзаж, который, впрочем, был им до боли знаком. Небо с небольшими тучами и неподвижным солнцем, казалось, расступилось в преддверии грядущих событий. Оно было таки далеким... недосыгаемо далеким и наблюдало с безопасной высоты за всем происходящим.

Стрелок посмотрел на мальчика, который теперь выглядел совершенно бледным и отрешенным. Но было в Джейке что-то еще, чего Роланд раньше не замечал... что-то, подозрительно похожее на выжидание. Вот только чего? Стрелок улыбнулся этому открытию: ему было приятно сознавать, что мальчик внутренне не сломлен, а продолжает борьбу.

В пространстве начались какие-то изменения. Воздушные массы приходили в движение; они циркулировали все быстрее, сливались, образуя подобие вертикальной воронки. Стало значительно прохладнее – казалось, даже жара отступила перед столь могущественными силами. Небо не спас побег на высоту, оно тоже претерпело бесцеремонное вмешательство и посерело, будто от страха. Наконец, стали появляться четкие контуры, словно выписанные огромной рукой, твердой и уверенной. Эти контуры, без сомнения, принадлежали двери. Пульсируя, переливаясь разными цветами, вырастала она. К тому моменту, когда дверь между мирами достигла своих максимальных размеров, вокруг поднялась настоящая песчаная буря. Тучи песка, в которых, однако, было больше пыли, вскинутые в воздух, теперь искали места, где можно было бы остановиться. Они металась по кругу в бешеном ритме, и наиболее счастливым из них позволялось на время коснуться земли. Стрелок прижал Джейка к себе, а сам плотно закрыл глаза и нагнул голову, чувствуя, что это не очень помогает.

К счастью для них, буря продолжалась совсем недолго и прекратилась так же внезапно, как и началась. Стрелок оглянулся – прямо перед ним, подвешенная между небом и землей была дверь, ведущая в его мир. Огромными концентрическими кругами казалась она, хорошо выделяющаяся серебряным пятном на безликом ландшафте. Пульсация остановилась, и идеально гладкая ее

поверхность отражала солнечные лучи, пробивающиеся сквозь не до конца расступившиеся тучи. Пыль осела, позволив путникам насладиться в полной мере столь необычным явлением. Роланд и Джейк действительно воспользовались представившейся возможностью и восхищенно рассматривали представшую перед ними картину. Была одна маленькая деталь, которая, однако, портила все впечатление. Дверь оказалась закрытой, а у них нет ключа.

Стрелок, вспомнив слова Мизери, решил, что ключ все же есть. Может он не от самой двери, но с его помощью они пройдут через нее. Роланд повернулся к Джейку, упрямо хранившему молчание, и произнес:

– Дай мне талисман.

Мальчик как-то неоднозначно посмотрел на стрелка, криво и натянуто усмехнулся и протянул Роланду оберег. Стрелок крепко сжал его в руке, ожидая прибытия томминокеров, стражей врат.

Они не заставили себя долго ждать. Роланд почувствовал, как к нему спускаются бесплотные духи, от которых исходит сила древнего проклятия: быть вечными узниками двери между мирами и не иметь возможности остаться в одном из них. Они были невидимы, единственное, что выдавало их присутствие, это колебания воздуха и сила древнего проклятия. Стрелок подумал, что проклятие такое же древнее, как эта дверь, которая в свою очередь являете ровесницей миров, ее окружающих. Томминокеры обступили Роланда и Джейка плотным кольцом, постепенно сужающимся. Руки Роланда потянулись к револьверам, но он подумал, что стрелять-то ему собственно не в кого, и, усмехнувшись, отказался от этой идеи.

Движение вокруг них прекратилось, и раздался твердый, настойчивый голос, проникающий в самые отдаленные уголки сознания:

– Зачем ты потревожил нас, стрелок? Тебе известно, какой будет расплата?

Роланд, продолжая сжимать оберег, произнес – он уже привык разговаривать с невидимым собеседником:

– Я знаю, чем придется платить. Тем не менее, мы с мальчиком пройдем в мой мир.

Это правда, или Роланду только показалось, что томминокер смеется?

– Давно в этих местах не было стрелков... очень давно, а такого глупого, как ты, – вообще никогда. Ну что ж, ты сам выбрал свою судьбу.

Воздух снова пришел в движение. Настало время действовать... действовать немедленно – стрелок это знал. Он поднял руку с талисманом высоко над головой и, стараясь преодолеть завывания поднявшегося из ниоткуда ветра, прокричал:

– Не спеши, у меня есть кое-что для тебя!

Стон пронесся над пустыней. В этом стоне отразилась боль и тоска по свободе. Просто быть свободным, не зависеть от чьего-то влияния, не пребывать под гнетом древнего проклятия и не страдать от условностей. На мгновение пустыня замерла: ветер прекратил свои игры с песком, пыль припала к земле и одинокая тень, пожизненный узник своего хозяина, застыла в немом страхе.

Звук утонул в бескрайних просторах Внешнего мира. Стрелок улыбнулся этой своей безрадостной и несколько безумной ухмылкой, которую легко заработать, гоняясь за фантомами из прошлого, но от которой почти невозможно избавиться.

Роланд почувствовал, как его рука, подчиняясь воле незримой силы, разжимается; оберег выскользывает из нее, поднимается в воздух, чтобы затем исчезнуть. Томминокеры уходили, стрелок это знал. Уходили нехотя, а, возможно, даже грозя вернуться. Однако, Роланд не слушал их угрозы, он наслаждался моментом победы и романтики. С его лица все не сходила кривая ухмылка. Стрелок смотрел на дверь, через которую им предстоит пройти, и противоречивые чувства переполняли его. С одной стороны – радость, что он выстоял, прошел испытания Внешнего мира и может продолжать путь к Темной Башне, и что не пришлось жертвовать Джейком; с другой – неотвязная, почти параноидальная идея, что это еще не конец.

Стрелок посмотрел на мальчика, но тот молчал, а его лицо было абсолютно бесстрастным. Роланд оглядывался по сторонам, будто надеялся увидеть кого-то еще. В пустыне было безлюдно. Вся эта ситуация показалась стрелку какой-то нелепой, но главное до боли знакомой. Он уже видел нечто подобное. Да, в Талле, когда стоял перед выбором: перебить жителей городка и продолжить поиск, или отступить и сохранить им жизни. Тогда у него не было времени на раздумья, и револьверы сделали за него всю работу. Стрелок неожиданно подумал: а чего же он собственно ждет; дверь открыта, и они с Джейком могут возвращаться в роландов мир. Однако, что-то в лице мальчика заставило его усомниться в правдивости этого утверждения. Он решил убедиться, что путь все-таки свободен и спросил:

– Мизери, так мы можем идти?

Короткая пауза, повисшая в воздухе, неприятным толчком отдалась в сознании Роланда, а потом он услышал:

– Нет, стрелок. Еще рано. Тебе предстоит завершить ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО АМНИ.

Роланд, возможно, первый раз в жизни, выглядел растерянным. Он пытался понять, что происходит, вникнуть в смысл слов Мизери, но не мог. К тому же примешивалось какое-то странное, но не очень приятное ощущение значительности этого момента.

– Я не понимаю, Мизери. Объясни, что за дело Амни.

Здоровый смех, который при других обстоятельствах показался бы стрелку приятным – но не сейчас.

– Ну что ж, хорошо, поясню. Только слушай внимательно, принимай решение быстро, но так, чтобы потом не жалеть. Сразись с тем, кто сделал из тебя стрелка.

Первой мыслью Роланда было: "Это Корт. Мне снова придется победить учителя". А затем началось: мысли сменялись, как карты в быстро тасуемой колоде.

Нет, не Корт. Он наверняка уже мертв. И это не может быть фантом учителя, потому что схватка должна проходить честно: никакой магии против револьверов. Тогда кто же? Может...

Ну конечно, сам Роланд. Он стал стрелком только благодаря себе, благодаря тому, что было у него внутри – тот стержень, который не позволяет ему упасть и все время толкает вперед. Никакой учитель не мог дать ему этого. Роланд стал стрелком потому, что должен был; потому, что таково его ка.

Он прекрасно видел, как Джейк, точно в трансе, движется прочь, однако продолжал стоять на месте. Стрелок понимал, что противника не будет... противник он сам.

Настало время для решающего выбора.

Дверь открыта, проход свободен, ему нужно только перешагнуть через порог. Джейк останется во Внешнем мире и наверняка погибнет, но он сможет продолжить поиск Темной Башни. Есть другой вариант: Роланд спасает мальчика, но закрывает врата между мирами.

Решай стрелок.

Роланд закричал зубами. Он предпочел бы сразиться с вооруженным отрядом, участвовать в кровопролитных войнах, а не стоять здесь, пытаясь не сойти с ума и выбрать тот единственно правильный путь.

Стрелок знал, что сможет справиться с чем угодно, кроме собственного безумия. Но он также знал, что дорога к Темной Башне гораздо длиннее и сложнее, чем самая жестокая перестрелка, и раз он встал на нее, то должен испить чашу до дна.

Стрелок подумал о своих погибших друзьях и решил, что дальше так продолжаться не может. Нельзя использовать смерть тех, кто тебе дорог, чтобы идти вперед. Это зашло слишком далеко. Даже если Роланд сумеет подняться к Башне по трупам друзей, то она просто уничтожит его, так как в нем не останется ничего из того, с чем он шел к ней. Чувство благородства, чести, боль за свой умирающий мир, некогда исполненный любви и света, искреннее желание спасти его – все поглотит кровавый след, оставляемый стрелком после себя. Роланд превратится в дикого зверя, одержимого самой идеей о Темной Башне. Он будет идти, не ведая, зачем делает это, но просто потому, что так надо; и он умрет у ворот Башни, так и не познав ее тайны.

Стрелок не хотел добиваться цели таким путем; а если другим он идти не в состоянии, значит это не его поиск, и он зря принял в нем участие. Однако Роланд знал, что именно ему предназначено отыскать Темную Башню, а теперь еще он понял, что одного предназначения мало.

Последняя мысль едва успела отзвучать в голове стрелка, а он уже мчался к Джейку. Роланд не заметил, как закричал:

– Я не брошу тебя, Джейк!

Мальчик бежал навстречу стрелку.

Они обнялись под палящим солнцем, и слезы радости и облегчения были единственными каплями влаги, оросившими бесплодную землю.

Над ними звучал голос:

– Ты доблестно выдержал испытание, стрелок, самое трудное из всех. Теперь можете спокойно возвращаться в свой мир.

Пришла тьма, но они все еще стояли неподвижно. Когда перемещение закончилось, Роланд внимательно посмотрел на Джейка, а мальчик лишь улыбнулся и произнес:

– Я рад, что ты вернулся.

Стрелок слегка кивнул и посмотрел на запад, где из дымки выглядывали вершины гор, и куда лежал их путь.

Так они и пошли, представители разных миров, разных времен. Хотя како это имеет значение, ведь Темная Башня не только для тех, кому это предначертано, но и для тех, кто будет достоин.

Андрей Бекеша.